

Оуян Цзиньсинь пошатнулся и отступил назад, но в последний момент ухватился за бамбуковый холст и устоял на ногах.

— Это судно — боевой корабль «мэнчун», пусть и небольшой, но по бокам у него установлены по четыре гребных колеса, на каждом по восемь лопастей. Даже если бы ты действительно побежал, моя лодка догнала бы тебя в два счёта. Или ты всерьёз собрался карабкаться по отвесным скалам, пока тебя не накроет порывом ветра, чтобы ты разбился в лепёшку? — с изрядной долей запугивания произнёс Ли Жуй.

В тот миг Оуян Цзиньсинь испытал отчаяние, подобное падению в преисподнюю, но он быстро взял себя в руки и не позволил Ли Жую заметить его слабость.

— Советую тебе поскорее последовать за мной. Я подарю тебе такое богатство и счастье, о каких никто и помыслить не может, — произнеся эти слова, Ли Жуй на редкость посерьёзшел.

— Тьфу! Мерзавец, который только и делает, что топчет чужое счастье, ещё надеется осчастливить кого-то?! — издевательски бросил Оуян Цзиньсинь, не лезя за словом в карман.

— Неблагодарный щенок! Я ведь запросто могу взять тебя силой! — взревел Ли Жуй, вне себя от ярости! Раньше его ни капли не волновало, когда его называли пиратом, берущим всё силой, более того — он даже гордился этим. Но почему же теперь, когда то же самое произнёс Оуян Цзиньсинь, эти слова резали слух?

— Главарь?! — снова позвал сверху Гао Цзянь.

— Раз у тебя так много сил, сухой пайек тебе тоже ни к чему! — бросил Ли Жуй, подбирая масляный свёрток и бамбуковую флягу. Затем он бросил на Оуян Цзиньсиня взгляд, словно ожидая, что тот начнет молить о пощаде.

— Пожалуйста, — невозмутимо ответил Оуян Цзиньсинь.

Ли Жуй без лишних слов карабкался по веревочной лестнице, следом раздался громкий стук — крышку люка захлопнули, и вокруг снова погрузилась кромешная тьма.

Эх... Правое запястье ныло от вывиха, но боль не шла ни в какое сравнение с мрачным унынием на душе. Прислонившись спиной к бамбуковому холсту, Оуян Цзиньсинь сполз по нему и сел на влажный и жесткий пол.

Недавняя отчаянная борьба истощала все силы, которые он за последние дни накопил с помощью медитаций.

Мерзавец... Это ты во всём виноват, из-за тебя я выгляжу столь жалко! День за днём Оуян Цзиньсиня преследовали не только сырость, духота, голод и угрозы, но и неотвязный образ

человека, застрявшего в его мыслях.

Не заметив, как он перебрал все известные ему ругательства и сто раз проклял свою злосчастную удачу, глаза начали постепенно увлажняться.

Знает ли Се Линъи, чего стоило вытащить хотя бы одну полоску бамбука из этого плетеного полотна? Обычно даже с ножницами в руках непросто с первой попытки поддеть туго затянутые узлы, а он справился голыми руками, да еще в полной темноте!

Ногти сломаны, пальцы изрезаны; хоть кровь и запеклась, раны всё равно саднили. Эта нескончаемая, непрерывная боль отдавалась в его пустой, ноюще-болящей груди — точно так же, как все эти дни.

Даже если Се Линъи узнает, что с того? Раз уж он сам прогнал его с корабля, станет ли он теперь интересоваться, куда тот направился?

Какой же он безответственный тип! — в носу защемило, слёзы закружились на ресницах. Если углубиться в размышления дальше, то первопричиной всех бед стало его собственное упрямство: он настоял на том, чтобы передать пиратов властям, и тем самым позволил хитрому Ли Жую воспользоваться моментом.

Однако, даже если бы всё повторилось сначала, Оуян Цзиньсинь всё равно не согласился бы на тайную расправу с морскими разбойниками.

Поступая так, он хотел уберечь «Дафу» от новых проливов крови, дабы упокоить души погибших в море невинных людей. С другой стороны, передача преступников властям могла помочь выйти на след других пиратских банд, облегчив правительственному флоту задачу по уничтожению морских разбойников и защите других торговых судов от бедствий.

Эх... Глаза сами собой закрылись. Ур-р-а... Желудок свело от голода так сильно, что он прилип к спине, издавая жалобное урчание. Корабль Се Линъи, должно быть, уже снялся с якоря? При этой мысли заныл не только желудок — казалось, едкая кислота разъедала само сердце.

Оуян Цзиньсинь с хмурым видом погрузился в тяжелые, смутные даже для него самого думы, как вдруг люк в потолке тихо приоткрылся и так же бесшумно захлопнулся.

Чья-то фигура неслышно спрыгнула вниз.

Кто? — Оуян Цзиньсинь резко ощутил нависшую над головой мужскую ауру и мысленно выругал себя за беспечность. — Неужели Ли Жуй передумал и велел забрать парус и ящики? Или прислал кого-то прикончить меня?

Или он решил явиться в темноте и взять меня силой?! — Каковы бы ни были намерения

пришельца, Оуян Цзиньсинь решил пойти ва-банк и нанести сокрушительный удар до того, как противник успеет что-либо предпринять.

Получай! — Оуян Цзиньсинь со всего маху врезал кулаком в ту сторону, откуда исходило теплое дыхание. За столько времени заточения он изучил здешние воздушные потоки лучше кого бы то ни было.

Хлоп!

Незнакомец легко перехватил его кулак, крепко сжал в своей руке и низким голосом произнес:

— Так ты встречаешь того, кто пришел тебя спасти?

А?! Этот голос... — Светло-карие глаза резко расширились, и Оуян Цзиньсинь недоверчиво уставился на высокую, прямую тень перед собой.

Се Линъи?! — вырвалось у Оуян Цзиньсиня. Даже в темноте он безошибочно узнал легкий аромат мускуса и этот низкий, бархатный голос, звучащий так отчетливо, будто капля воды упала в глубокий пруд!

Твои руки... почему они такие ледяные? — Се Линъи обхватил заледеневшие пальцы Оуян Цзиньсиня и принялся согревать их ладонями. Он наконец нашел его — как же трудно и тревожно было его искать...

В-сё в порядке, откуда ты узнал, что я... — Оуян Цзиньсинь еще толком не пришел в себя, но стоило ему открыть рот, как его губы накрыл поцелуй!

Мягкие, властные губы и обжигающее, словно пламя, дыхание. Оуян Цзиньсинь на мгновение остолбенел, забыв про сопротивление. Сердце заколотилось в бешеные ритме, он судорожно втянул воздух ногам, и этим позволил мягкому языку противника проникнуть вглубь.

Язык и губы Се Линъи двигались необычайно нежно, почти осторожно. Он легко скользнул по гладким зубам, очерчивая горячее нёбо. От этого щекотного, истомного ощущения плечи Оуян Цзиньсиня слабо задрожали!

Они целовались всего-то раза три, но Се Линъи уже прекрасно изучил все чувствительные места Оуян Цзиньсиня.

И хотя его поцелуй казался мягким, он нёс в себе внезапный жар. Оуян Цзиньсинь словно очутился под плотным колпаком, где от духоты потели все поры на теле, и при этом невыносимо чего-то жаждал.

Мх...! — Оцепеневшее тело Оуян Цзиньсиня постепенно расслабилось. Се Линъи крепко и властно прижал его к себе, а он и не думал сопротивляться — лишь потому, что чувствовал себя до безумия счастливым и защищенным...

Чистый лунный свет пробивался сквозь иллюминатор в коридор. Се Линъи и Оуян Цзиньсинь успешно выбрались из тайника. Навстречу им пахло долгожданным морским бризом; Оуян Цзиньсинь глубоко вдохнул, а на его миловидных щеках до сих пор горел румянец.

Се Линъи вглядывался в лицо Оуян Цзиньсиня при свете луны. Несмотря на несколько дней без умывания и крайне потрепанный вид, от него по-прежнему исходило какое-то чистое очарование — словно от молодой весенней травы или горного родника, к которому не пристаёт никакая грязь. Се Линъи на мгновение засмотрелся, чувствуя, как в глубине души словно бы зажурчал прохладный ручей.

Что такое? — заметив, что Се Линъи замер на месте, недоуменно спросил Оуян Цзиньсинь.

Ничего, давай убирайся отсюда побыстрее. — Поспешно отвернувшись, Се Линъи зашагал впереди: — Нам нужно на палубу.

Мгм. — «Теперь-то командует, а сам минуту назад пялился бездумно...» — недовольно пробормотал про себя Оуян Цзиньсинь и послушно зашагал следом. Как бы то ни было, не было ничего лучше перспективы наконец-то выбраться отсюда!

Оуян Цзиньсинь думал, что Се Линъи проник на корабль тайком, поэтому ступал за ним на цыпочках, боясь даже вздохнуть. Однако они миновали уже несколько поворотов, а он не заметил ни патрулирующих пиратов, ни единого звука человеческих голосов, что выглядело крайне странно.

Как ты сюда забрался? — не выдержал Оуян Цзиньсинь.

Проскользнул, — бросил через плечо Се Линъи, продолжая идти вперед. — Лодка У Иня пришвартована у правого борта.

Лекарь Сюэ тоже здесь? — Оуян Цзиньсинь сразу же просиял.

Судя по всему, его прихода ты ждал с куда большим нетерпением, — прищурившись, с непонятной интонацией произнес Се Линъи.

Да нет же, твоё умение двигаться легко — как же это называется, техника тени или вроде того — просто потрясающее. Пробраться сюда незаметно — самое то, я ведь вообще ни звука не услышал, — искренне похвалил он.

Се Линъи внезапно остановился.

В чем дело? — Оуян Цзиньсинь чуть не врезался в него.

А что, если я не владею легкими шагами?

Ты не владеешь легкими шагами? — Разве такое возможно?

У Инь тоже отлично владеет легкими шагами, — снова произнес Се Линь.

Но мне всё же кажется, что тебе это подходит больше. — Подумав о том, что Лекарь Сюэ всегда выглядит чересчур щеголевато и нежно, и ему вряд ли идут окровавленные сцены битв, Оуян Цзиньсинь договорил лишь наполовину.

Хм... — Се Линь задумчиво посмотрел на него пару мгновений и снова зашагал вперед уверенным и легким шагом.

Хотя в голове роилось бесчисленное множество вопросов, Оуян Цзиньсинь боялся потревожить пиратов, поэтому молча и быстро следовал за ним.

Добравшись до палубы, он понял, что вся его осторожность была абсолютно излишней!

На двухъярусной надстройке — как на крыше, так и вдоль фальшбортов — вповалку валялись бесчувственные пираты. Они даже висели на мачтах; насколько хватало глаз, здесь лежало не меньше сорока человек!

Ты называешь это «проскользнул»?! — изумленно воскликнул Оуян Цзиньсинь, указывая на валяющихся без чувств пиратов и переводя взгляд на невозмутимого Се Линя.

Почти угадал.

Слишком уж большая разница! — Каким вообще образом этот парень смог в одиночку выручить столько свирепых разбойников?!

В конце концов, мы спасаем тебя, так вышло гораздо быстрее, — посмотрел на него Се Линь.

Но... — Раз уж всё равно так легко, мог бы сказать мне заранее, а не заставлять меня красться словно кот.

Что с твоей рукой? — Се Линь заметил, что левая рука Оуян Цзиньсиня по-прежнему сжимает правое запястье.

Сначала вывихнул. А потом она опухла.

Кто это сделал? — разглядывая опухшие лиловые следы на изящном запястье, Се Линъи помрачнел от гнева.

— Это сделал я. — Внезапно на носовой палубе перед ними возник Ли Жуй. Сжав в руке изогнутый короткий нож, он стоял с гордым видом, и исходящий от клинка леденящий холод казался при лунном свете особенно острым. — Стоило мне сходить на берег за кое-какими вещами, как эта банда никчемных тупиц устроила такой переполох. — С этими словами Ли Жуй снял с пояса шелковый мешочек и швырнул его Оуян Цзиньсиню.

Се Линъи единым прыжком заслонил Оуян Цзиньсиня, сбив летевший мешок на палубу. Из него выкатился тубик мази с надписью «Цзиньчуаньяо».

Не бойся, это всего лишь лекарство. Рука у меня просто тяжеловата, — с ноткой извинения в голосе произнес Ли Жуй, обращаясь к Оуян Цзиньсиню.

Я не стану церемониться с тобой, — холодно бросил Се Линъи.

И я с тобой тоже, — ответил Ли Жуй, переводя взгляд на соперника. Он исподволь собирал внутреннюю ци, готовясь кнезапному нападению.

Однако Оуян Цзиньсинь волновало вовсе не то напряжение между ними, готовое вспыхнуть от малейшей искры, а оружие в руках Ли Жуя.

Хотя он и родился в семье первого министра, с малых лет Оуян Цзиньсинь обучался боевым искусствам у генерала У Мина и перелистал почти все военные трактаты, включая иллюстрированные справочники по оружию и подробные описания боевых построений из генеральского особняка. Поэтому, завидев оружие Ли Жуя, он невольно зажёгся интересом.

То было оружие кочевников Западного края с вековой историей. Его клинок, изогнутый подобно тонкой луне над пустыней, отличался невероятной остротой. К тому же короткие клинки использовались в ближнем бою, что идеально сочеталось с излюбленной техникой точечных ударов по меридианам, которой в совершенстве владел Ли Жуй. Оуян Цзиньсинь заволновался: как же Се Линъи собирается драться с ним голыми руками?

В момент сильнейшей тревоги белая фигура порхнула с морской глади прямо на фальшборт корабля.

<http://bllate.org/book/21151/2144316>